

**ХИЛЛИГ Гётц (Марбург, ФРГ)
А. С. МАКАРЕНКО И В. А. БАЛИЦКИЙ
Два соратника на службе украинского ГПУ**

Всемирно известный педагог А.С. Макаренко (1888–1939) разработал свою новаторскую концепцию воспитания на основе личного опыта руководителя двух учреждений по преобразованию малолетних правонарушителей и беспризорников на Украине: колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского. В то время, как колония подчинялась местному и республиканскому органам наробразы, в случае с коммуной речь идет об учреждении ГПУ, созданной большевиками, как известно, для сохранения власти организации – преемника ЧК, в компетенцию которого входила также борьба с детской беспризорностью.

Как же так получилось, что А.С. Макаренко – который не являлся ни сотрудником ГПУ, ни даже членом компартии – осенью 1927 г. была вверена коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, первое учреждение перевоспитания беспризорников ГПУ УССР? Кто рекомендовал Макаренко на эту работу, кто назначил его на должность заведующего? Как смог он остаться в живых в Харькове, бывшей тогда столице Украины, и позже в новой столице Киеве, куда он был переведен в 1935 году, на третьестепенную должность в аппарате ГПУ-НКВД, до тех пор, пока в феврале 1937 г. ему не удалось переселиться в Москву и, таким образом, спастись от террора на Украине? Рассмотрению этих вопросов советское макаренковедение, по понятным причинам, не уделяло должного внимания.

Но одно уже сейчас с уверенностью можно утверждать: все эти годы педагог-писатель находился под особой защитой чекиста высшего ранга – Всеволода Аполлоновича Балицкого (родился 27 ноября 1892 г. или 1893 г. в г. Верхнеднепровск Екатеринославской (Днепропетровской) губернии; национальность: украинец или, по некоторым документам, русский); в отличие от большинства высокопоставленных функционеров ГПУ-НКВД имел высшее образование (неполное): после восьми классов гимназии – три курса юридического факультета Московского университета (1912–1915), вольнослушатель Лазаревского института восточных языков в Москве (1915); окончил Тифлисскую школу прапорщиков (1915); служил прапорщиком 114 запасного полка, Кавказский фронт (1917). Балицкий, который, прежде чем стать большевиком, был меньшевиком (1913–1915), с конца 1918 г. работал в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД. С 1923 по 1937 гг. [5] – за исключением полутора лет, когда его летом 1931 г. из-за конфликта с командующим Украинским военным округом И.Э. Якиром отозвали в Москву на пост третьего (!) зам. председателя ОГПУ СССР – возглавлял ГПУ, затем НКВД УССР. На Макаренко, как наиболее подходящую кандидатуру на должность заведующего новой коммуной, ему указала младшая сестра Наташа.

Знакомство Макаренко с Натальей Балицкой, которая после восьми лет гимназии два года училась в Харьковском институте народного образования, приходится на время перевода колонии им. М. Горького из Полтавы в Куряж под Харьковом (в 1926 г.). Она была председателем шэфского комитета располагавшейся там трудкоммуны. Данный комитет сохранялся и после «завоевания» колонистами-горьковцами Куряжа. По свидетельству очевидцев, Макаренко сразу влюбился в умную и очень красивую Наташу; даже имел намерение на ней жениться [6]. Однако В.А. Балицкий этого не допустил, так как, ознакомившись с личным делом Макаренко, обнаружил отягощающий факт в его биографии: брат «завкола Горького», бывший «белогвардеец», жил за границей. И все же, это не помешало Балицкому привлечь Макаренко к созданию коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

Характеристику Балицкому дал А.И. Мильчаков, который в 1927–28 гг. работал первым секретарем ЦК комсомола Украины. В беседе с московским педагогом В.Г. Бейлинсоном в 1966 году он говорил: «Одна из самых ярких личностей, которые мне встречались. Большие и разные природные способности, крепкое базовое образование он подкреплял неутомимым самосовершенствованием. Человек напряженного аналитического ума, сильного характера и высочайшего профессионализма, Балицкий – сподвижник Дзержинского. Балицкий на всю жизнь был захвачен идеей учителя о позитивном участии ВЧК, органов внутренних дел и государственной безопасности в спасении детей, в строительстве повсеместно эффективной педагогики» [7].

Между Макаренко и Балицким («Аполлоном») были наилучшие отношения. Они неоднократно встречались как в Харькове, так и в Киеве по служебным делам, и, судя по существующим источникам, у них была взаимная расположенность друг к другу: не только чекист высоко ценил беспартийного специалиста, но и педагог с большим уважением относился к своему начальнику: «По словам Балицкого, – свидетельствует Мильчаков, – он еще в 1925 году влюбился в Макаренко. С того времени пользуется консультациями и советами Макаренко, между ними устанавливаются товарищеские отношения, на равных. В компании, на совещаниях Балицкий обращается к Макаренко как к мэтру...» [8]. Тогдашний руководитель комсомола подтвердил, что «идея детского учреждения – коммуны как памятника Дзержинскому» принадлежала Балицкому, и он «прорабатывал ее с Макаренко». «От Балицкого я знал, что в самом начале этой затеи было обговорено: заведующим этой коммуной станет Макаренко» [9].

5. См.: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК – ГПУ – НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. (ссылки на: Шаповал). – С.435–437; С.Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. Под ред. Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского. – М., 1999 (ссылки на: Петров/Скоркин). – С.99–100.

6. См.: Hillig G. Verblaßte Gesichter, vergessene Menschen... 28 Porträts von „Freunden“ und „Feinden“ A.S. Makarenkos. – Bremen, 1999. – С.115.

7. Информация В.Г.Бейлинсона по материалам его личного архива – в беседе с автором (в 2003 г.).

8. Там же.

9. Там же.

В течение почти десяти лет деятельности педагога на службе ГПУ-НКВД Украины Балицкий играл для Макаренко роль, которую нельзя недооценивать. Тем более удивительно, что постсоветские макаренковеды, освобожденные от всяких табу, до сих пор так и не высказались по поводу роли наркома и его сестры в жизни педагога-писателя. В последнем советском издании трудов А.С. Макаренко (в восьми томах, 1984–1986) изъяты все упоминания имени этого государственного деятеля – за одним исключением: комментарий к содержанию фрагментарно дошедшего до нас очерка «ФД-1» (в т. 2) содержит указание на то, что в рукописи произведения, написанного в марте-апреле 1932 г. во время пребывания автора в Москве, упоминается некий «Всеволод Апполонович Балицкий» как один из посетителей коммуны, без каких-либо сведений об этом лице [10] (при публикации предшествующих собраний трудов А.С. Макаренко данное имя было изъято его бдительной вдовой).

То обстоятельство, что Балицкий, будучи ответственным за террор на Украине (по крайней мере до мая 1937 г.), как и все другие сталинские наркомы (министры) внутренних дел, к моменту завершения этого восьмитомника не был реабилитирован – что, впрочем, остается так и по сегодняшний день – и, вследствие чего, не мог упоминаться в советских публикациях. Это привело, наконец к тому, что имя Балицкого – при наличии соответствующего примечания в одном из марбургских изданий (1984) [11] – не было включено в сводный указатель данного издания (т. 8; 1986) [12].

Снятие Макаренко весной 1932 г. с должности заведующего коммуной им. Ф.Э. Дзержинского (впредь в его ведении оставалась только пед. часть коммуны) приходится на время московского интермеццо Балицкого. В начале 1933 г. Макаренко вновь работает над рукописью «Педагогической поэмы».

Как известно, в первой части этого произведения, в главе «Завоевание комсомола», чекистам приписывается решающая роль в создании ячейки комсомола в колонии им. М. Горького (события датируются 1923 г.): только после того, как комсомольцы комендатуры ГПУ позаботились о колонистах, те смогли, наконец, осуществить свою мечту о создании собственной ячейки. В данном эпизоде западные интерпретаторы Макаренко уже с 50-х годов видели доказательство того, что заведующий колонией им. М. Горького давно сотрудничал с органами госбезопасности и был всегда их апологетом. В действительности же комсомольская ячейка в этом воспитательном учреждении была создана только в 1925 году, а именно, в результате принятого на высшем уровне решения: ЦК ЛКСМ Украины, по требованию Наркомпроса, направил в колонию комсомольца Л.Т. Ковалева в качестве политрука, то есть заместителя, а также наблюдателя за чересчур самовольным заведующим – до этого момента Макаренко удавалось успешно противостоять «политической инструментализации» руководимого им учреждения.

Из-за нежелания Макаренко создавать в колонии какие-либо политические организации, «чекистская сказка» из «Поэмы» имеет своим источником лишь преклонение перед Балицким, который в феврале 1933 г. вернулся на пост председателя ГПУ УССР.

Осенью 1936 г. в рамках следствия по делу Л.С. Ахматова, бывшего начальника Макаренко в отделе трудколоний НКВД УССР, первый назвал педагога-писателя в числе членов «контрреволюционной троцкистской террористической организации», участие в которой приписывалось арестованному. Тогда же, по указанию Балицкого, имя Макаренко вычеркнули из протокола допроса Ахматова [13]. А примерно 22 марта 1937 г. педагог, который после переселения (в феврале того же года) в Москву еще раз возвратился в Киев, был по личной просьбе принят наркомом на длительную «аудиенцию». Разговор проходил в исторически важный момент: спустя две с половиной недели после решающего для последовавшего за этим террора в СССР февральско-мартовского (23.02.–05.03.1937) пленума ЦК ВКП(б), в котором участвовал и Балицкий (он с XVII съезда партии (1934 г.) был членом данного ЦК) и 3 марта выступал о „недостатках“ при «разоблачении троцкистов на Украине» (sic!) [14] – за несколько дней до ареста наркома связи СССР Г.Г. Ягоды, теперь уже бывшего начальника Балицкого. Макаренко просил наркома о встрече, так как умышленно затягивалось его ходатайство об отчислении из НКВД УССР, что должно было в будущем дать ему возможность жить как гражданскому лицу и «свободному писателю». Кроме того, он хотел получить консультацию у своего друга-патрона в связи с предложением Горького (в письме от 8 октября 1935 г.) написать рассказ о чекистах. Это свидание педагога-писателя с наркомом должно было стать последним.

Как видно из пространной записи Макаренко под названием «К теме „Ч.“», он действительно беседовал с наркомом о своем писательском проекте. Дословно здесь можно прочесть: «Б. отличает несколько типов происхождения [чекистов. – Г.Х.]:

„Гимназисты“.

„Местечковые“ [евреи. – Г.Х.].

„Военные“» [15].

10. См.: Макаренко А.С. Педагогические сочинения в 8-и томах. – М., 1984-86. – Т.2. – С.506.

11. См.: Некоторые соображения в связи с выходом двух первых томов издания собрания сочинения А.С. Макаренко // Hillig, G. Sankt Makarenko. Zur Editionspraxis der Akademie der Pädagogischen Wissenschaften der RSFSR / UdSSR (1950-1983) / Святой Макаренко. К изданию произведений А.С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР-СССР (1950–1983 гг.). – Marburg, 1984. – С.55–98, здесь: – С.93.

12. А.А. Фролов (г. Горький) в беседе с автором во Венгрии (1987 г.).

13. См.: Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период Макаренко (1935–1937 гг.). – Марбург, 2000. (ссылки на: Абаринов/Хиллиг). – С.133.

14. См.: Вопросы истории. – 1994. – № 12. – С.22.

15. См.: Абаринов/Хиллиг. – С.184.

Наконец, 9 апреля – когда Макаренко вновь был в Москве – последовал приказ уже обреченного Балицкого об объявлении ему благодарности за деятельность в ГПУ-НКВД УССР [16].

11 мая 1937 г. Балицкого освободили от обязанностей народного комиссара внутренних дел Украины. В конце мая его вызвали в Москву для назначения начальником Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю с местопребыванием в г. Хабаровск, где он пробыл только 16 дней, до 19 июня. На июньском (23.-29.06.) пленуме ЦК ВКП(б) последовало его исключение из состава членов ЦК; 7 июля во время командировки, в служебном вагоне, он был арестован [17]. Жена Макаренко, узнав об этом в Москве «по своим каналам» (от родственника, служившего в НКВД), склоняет мужа к «изменению курса». Во всяком случае, примечательно, что Макаренко впоследствии в публичных высказываниях по возможности избегал всякой хвалы в адрес чекистов. Кроме того, бросается в глаза, что в статье «Макаренко Антон Семенович» в томе 27 БСЭ (подписан к печати 1 октября 1937 г.) ни словом не упоминается о работе педагога-писателя в органах госбезопасности. В этом тексте, в основе которого, без сомнений, лежат личные данные, отобранные, конечно же, самим Макаренко, о его воспитательной деятельности в годы советской власти сказано лишь следующее: «В 1920 организовал под Полтавой трудовую колонию им. М. Горького, которой руководил 8 лет. Затем вел руководящую работу по организации других детских трудовых коммун и колоний на Украине» [18].

Переехав в Москву, Макаренко никогда не говорил публично о своей работе в отделе трудколоний НКВД УССР. Этому же правилу следует и вдова в ее пред- и послесловиях к изданиям произведений А.С. Макаренко, а также первый биограф педагога-писателя Е.Н. Медынский в своих книгах, написанных в 1940-х гг. Здесь – и вместе с тем в литературе о Макаренко до 1949 г. вообще – отсутствует всякое указание на полуторагодовую деятельность в Киеве под руководством Балицкого. В выступлениях последних лет своей жизни Макаренко, как правило, избегал также упоминать о том, что под коммуной им. Ф.Э. Дзержинского подразумевалось учреждение ГПУ-НКВД.

27 ноября 1937 г. – раньше Ягоды, который с июля 1934 по сентябрь 1936 гг. возглавлял НКВД СССР и предстал перед судом лишь в ходе третьего «Московского процесса» в марте 1938 г. – Балицкий в советской столице «в особом порядке» приговорен к «высшей мере наказания» (расстрел). В тот же день приговор привели в исполнение. Тогда ему было 44 или 45 лет [19]. О непосредственной реакции Макаренко на гибель Балицкого до сих пор ничего неизвестно, только в его дневнике, между записями от 14 августа и 13 декабря 1937 г., находятся, очевидно не случайно, четыре с половиной пустых страницы [20].

По мнению В.Г. Бейлинсона, общавшегося с людьми хорошо знавшими Балицкого в разные периоды его жизни, последний многим отличался от Ягоды.

«Если Ягода – хитрый лицемер, ловко служащий начальству, лютый хам и матерщинник в обращении с подчиненными и простыми людьми, то Балицкий – человек четко определенной позиции и ясных убеждений; Балицкий – человек чести, самостоятельная личность, руководитель требовательный и уважительный к подчиненным, даже заботливый; джентльмен в поведении.

Если Генрих Ягода – проходимец, гуманного и весьма сомнительного революционного прошлого, мелкий закулисный политикан и крупный игрок во власти, то Всеволод Балицкий настоящий государственный деятель, по натуре и устремлениям созидатель и умелый; в биографии Балицкого все ясно и чисто. [...]

В. Балицкий в бытность свою на Кавказе напал на след сотрудничества Сталина в дореволюционные годы с охранным отделением (политической полицией) царской России и вместе с маленькой группой верных чекистов совершенно тайно идет по этому следу. В 1928–33 гг. Балицкий обнаруживает документы, изобличающие Сталина.

К 1936 году Сталин получает информацию о тайном розыске Балицкого и тот становится личным врагом Сталина. Сперва один за другим уничтожаются давние друзья Балицкого, а открывшийся в 1937 году «Большой террор» полностью развязывает руки Сталину-Ежову-Берия прежде всего в разгроме чекистов; они заменяются энкавдэшниками» [21].

В год «Большого террора» жертвой репрессий пали также многие другие руководящие сотрудники украинских органов госбезопасности, которых Макаренко знал по работе в Харькове и в Киеве и о которых он мог бы написать в запланированном художественном произведении. Тем самым был бы сломлен щит ЧК-ГПУ-НКВД...

16. См.: Морозова Н.А. А.С. Макаренко. Семинарий. Изд. 2-е. – Л., 1961. – С.116 (фамилия наркома здесь не названа).

17. См.: Шаповал. – С.67–68, 437.

18. См.: Большая советская энциклопедия. – Т.37. – М., 1938. – Столб.729.

19. См.: Петров/Скоркин. – С.99–100.

20. См. Хиллиг Г. Макаренко в год «большого террора». – Марбург, 1998. – С.73.

21. Из рукописи очерка В.Г. Бейлинсона «Макаренко и Сталин», предоставленной автором в мое распоряжение в октябре 2003 г. В рукописи приводятся записи бесед с С.И. Араловым, организатором и первым руководителем советской военной разведки; С.И. Кавтарадзе, грузинским дворянином, одним из основателей РСДРП на Кавказе; Г.И. Петровским, учеником и другом Ленина, с 1919 по 1938 гг. председателем ВУЦИК.